

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук **Бережного Дениса Алексеевича** на тему «Принципы и формы изображения внутренней жизни в прозе В. Набокова» по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации»

Исследовательская задача, которую ставит перед собой Денис Алексеевич Бережной, весьма амбициозна: проза В. Набокова рассматривается в диссертации на стыке классической и модернистской эстетической парадигм, интерпретируемых не в антагонистических отношениях, а в отношениях преемственности и взаимообусловленности, а центральной проблемой исследования становится экспликация лингвостилистических и композиционных приемов, обеспечивающих изображение внутренней жизни в набоковских произведениях. Важнейшим методологическим аспектом диссертации является опора на философское учение А. Бергсона – в частности, на его представления о времени и «длительности» (анализу условий художественного выражения «длительности» в романах Набокова посвящены третья и четвертая главы). По сути, диссертация должна дать ответ на извечный вопрос: «Невыразимое подвластно ли выраженью?», уточнив, какими способами, при каких обстоятельствах и усилиями каких субъектов мысли / действия «невыразимое» можно заставить, наконец, сдаться.

Логику исследования вряд ли можно назвать линейной – скорее концентрической: рассматривая классические ли психологические романы (произведения Лермонтова, Гончарова, Тургенева), параноидальные ли сдвиги (в прозе Достоевского или Сологуба), собственно модернистское ли «погружение» в сферу сознания персонажа, Д.А. Бережной в каждом случае «подносит» какой-либо текст Набокова к фрагментам из «Анны Карениной», «Преступления и наказания» или «Мелкого беса», тщательно сопоставляя структурную организацию, отслеживая сходства и различия, смещения

«традиционного» и прорастания нового. Такое «кружение» вполне обосновано поставленными задачами: показать «генеалогическую преемственность принципов психологической организации текстов Набокова по отношению к разным традициям психологического романа (Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А. Белого, Дж. Джойса, М. Пруста и др.)» (с. 17) – и в то же время провести линии разграничения между поэтикой Набокова и «традицией», выявить индивидуально авторские приемы организации психологической прозы.

По-своему показательно, что применительно к Набокову понятие «психологизм» в диссертации не используется, хотя само явление рассматривается очень подробно, со множеством примеров из произведений Толстого, Достоевского, Гончарова, Тургенева и в финале первой главы (сс. 41-42) дается ясная, внятно сформулированная характеристика структурных параметров психологической прозы XIX века. Набоковские же произведения описываются в иной системе категорий: психологическая проза, психологический метод, психологический нарратив, психологическая организация, психологическая система, психологическая структура и наконец психопэтика (термин Е. Эткинда). При такой вариативности некоторые смысловые издержки неизбежны: разница между психологизмом и психологической прозой определяется «шириной» (согласно терминологии Л.Я. Гинзбург, «расширенное понятие психологической прозы» не следует смешивать с «психологизмом», об этом – см. с. 24), а различия между психологической «организацией», «системой» и «структурой» не всегда уловимы. Соответственно, и предложенное Д. А. Бережновым рабочее определение психологической прозы («Под психологической прозой мы будем понимать принцип организации текста на основании той или иной психологической структуры», с .25) тоже не вносит ясности: «проза... как принцип» и «организация... на основании... структуры» выглядят речевыми огрехами в очень интересной по мысли и нетривиально развертывающейся

диссертационной работе. Склонность к (видимо, бергсоновской) неопределенности регулярно вынуждает автора прибегать к местоимениям «тот или иной», «некий», «такой» и «некоторый» («некоторая структурная доминанта» в формулировке предмета исследования, с. 5; «синтетический “поток сознания” предполагает некоторую мелодию», с.140) – и только ясность итоговых формулировок (отлично написанное Заключение) выводит подобные суждения из «туманной дали» ученой мысли.

Другим понятием, иногда используемым в диссертации произвольно, является «музыка». Безусловно, дать ему определение на языке символистов или на языке Ницше и Бергсона практически невозможно, и нельзя требовать от Д.А. Бережнова сформулировать всё за всех. Однако пользоваться понятием более дисциплинированно было все-таки возможно. Приведем один пример. На с. 63-64 автор диссертации делает разбор небольшого фрагмента из «Дара» – диалога Федора Годунова-Чердынцева с матерью. Детальный анализ текста по уровням сознания, слежение за текучими ассоциациями и сменой времен (как грамматического, так и физического времени) выполнены на отлично – но выводы, как нам думается, нуждаются в уточнении: «...изъятие привычных логических связей... делает повествование “неудобным” для интеллектуального понимания: оно ускользает от рассудочного схватывания, приобретая музыкальную форму. Указанная музыкальная форма характеризует общую повествовательную мелодику романа “Дар”» (с. 64). Судя по контексту, «музыкальная форма» (кстати, лучше было бы уточнить, какая именно – их немало) противопоставлена «логическим связям»; нам же представляется, что она строится на вполне рациональных основаниях (законы музыкальной гармонии на самом деле просчитаны с математической точностью) – просто иных, не тех, которые могли бы ожидаться. Определение «повествовательной мелодики» мы надеемся услышать в ходе защиты диссертации.

Набоков, как нам кажется, заранее сам пресек все разговоры (если не сказать спекуляции) на тему «музыкальности»: «...увы, для меня музыка

всегда была и будет лишь произвольным нагромождением варварских звучаний» («Другие берега»). Музыка в восприятии персонажей-слушателей предстает как речь на непонятном языке, как крикливая имитация подлинных чувств, как уловка фокусника. Настоящая музыка открывается лишь безумцам, подобным Бахману (а позже – в романной прозе – Лужину). Всякая же музыка, облеченная в «музыкальную форму», – лишь озвученные иллюзии, поддельные смыслы.

Из частных формулировок, провоцирующих на полемику, выделим вот какие. На с.81 Д.А. Бережнов пишет: «Немаркированный переход повествования в сновидение (без характерных зачинов: «он заснул и увидел...») унаследовано, по всей видимости, от Достоевского и рифмуется со сном Раскольниковова». Но не следовало ли рассмотреть несколько более ранние примеры – хотя бы пушкинского «Гробовщика», где лишь из финальных реплик Аксиньи становится понятно, что «вчерашние происшествия» были только сном («Как ты заспался, батюшка, Адриан Прохорович» – вот первое обозначение сна в тексте).

И другой тезис. На с.172 появляется следующая формулировка: «В категориях бергсонизма могут быть осмыслены не только периферийные (напр., проблемы памяти и воображения, нарушений восприятия и т.п.), но и магистральные темы Набокова». Признаться, соотношение памяти и воображения всегда представлялось нам ключевой, фундаментальной проблемой набоковской поэтики, поэтому хотелось бы услышать обоснованные доказательства их «периферийного» положения. Что же вытеснило их на периферию?

В целом же в качестве вопросов для дискуссии мы бы вынесли следующие:

1. Делая акцент на лингвостилистических и композиционных особенностях, реализующих бергсоновскую длительность в набоковских текстах, Д.А. Бережнов практически не обращается к рассмотрению

повествовательной / субъектной структуры текста. Показательно, например, что в описании фрагмента несобственно-прямой речи у Достоевского («Носителем речи все еще остается автор, но Достоевский создает эффект... будто не только лексический и синтаксический материал (речь), но и предметный мир исходит из героя», с. 78) автор диссертации не прибегает к этому термину – он вообще в основном тексте диссертации появляется только один раз. Применительно к «Дару» Набокова скорее можно было бы использовать понятие «свободный косвенный дискурс» (в терминологии Е. Падучевой) или говорить о специфике фокализации (в терминологии Ж. Женетта) – тем более что формы повествовательного синкретизма у Набокова очень гибкие, почти текучие, а «голоса» нарратора и героя во фрагментах имперсонального повествования едва отличимы или принципиально неотличимы друг от друга. Иными словами, наш вопрос – о том, какие *повествовательные* новации придумывает Набоков, чтобы реализовать эффект «длительности»?

2. Формулируя главную проблему исследования, автор диссертации указывает: «Может ли внешняя письменная речь запечатлеть чистое изменение? Решение этой проблемы связано с определением ограничений, которые язык накладывает на длительность» (с. 189). В этой формулировке язык-«ограничитель» (с явно негативными коннотациями) находится в очевидном противоречии с «чистым изменением», или «длительностью» (явно наделенными позитивными коннотациями). А если представить себе ситуацию иначе? Как настоящее кино не «изображает» / «иллюстрирует» исходный литературный текст, а ищет систему доступных языку кино художественных аналогов для передачи смысла, так, может быть, и язык (Набокова) не «ограничивает» или «запечатлевает» чистое изменение, а научается передавать его «окказиональными» средствами? Какие из выделенных в диссертации можно было бы рассмотреть как решающие и характерные исключительно для Набокова, а не только для модернистской литературы в целом?

Отдельные вопросы нисколько не умаляют значимости проведенного Д.А. Бережновым исследования. В диссертации дано системное описание характеристик психологической прозы / психологизма классической литературы; выявлены признаки девиантных (аутистических, параноидальных) форм сознания литературных героев – как в литературе XIX века, так и в отдельных произведениях Набокова; показаны историко-литературные закономерности развития психологической прозы XIX – XX вв. – в этом состоит теоретическая значимость диссертации; безусловной научной новизной отмечена интерпретация «Дара» Набокова в свете философии Бергсона (возможность воспринимать внешний мир как сложную ткань наложенных друг на друга ощущений или чувственных качеств в их взаимопроникающей конкретности (с. 109), решающая роль памяти и воображения в протекании душевных процессов, приоритет творческой рефлексии над поступком, время как континуальное единство и т.д.), охарактеризованы принципы образования набоковской метафоры как одного из важнейших ресурсов воссоздания текучей психической деятельности, ее творческого потенциала. Иными словами, научная актуальность диссертации Д.А. Бережнова представляется нам несомненной: в ней художественная практика Набокова получает освещение через призму идей Бергсона – и тем самым достигается значимое «приращение смысла» в понимание творчества Набокова современной наукой. Отметим и высокое качество филологического анализа фонетической, лексической, синтаксической структуры текста приводимых по ходу исследования фрагментов прозы Набокова.

Диссертация Д.А. Бережнова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Публикации отвечают тематике исследования. Содержание диссертации полностью соответствует паспорту специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном

университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Таким образом, соискатель Д.А. Бережнов заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского»
Кучина Татьяна Геннадьевна

26.08.2024

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

150000 Ярославль, ул. Республиканская 108/1.

Тел: +7 (4852) 30-56-61

rector@yspu.org